

Секция «Философия. Культурология. Религиоведение»

Немецкий романтизм, историософия Ф.И. Тютчева и славянофилов в концепции Л. Гринфельд.

Павлов Вячеслав Викторович

Соискатель

МГУ - Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Философский факультет, Москва, Россия

E-mail: lava1619@rambler.ru

Лия Гринфельд – профессор Бостонского университета, культуролог и социолог, на основе анализа большого количества исторических документов и философских исследований сформулировала оригинальную концепцию интеллектуальных традиций политической и цивилизационной идентичностей пяти великих держав – Британии, США, Франции, Германии и России. Концепция имеет ряд существенных плюсов и минусов и была изложена в монографии "Nationalism: Five Roads to Modernity". Однако, что удивительно, несмотря на довольно точное соответствие сути споров русской интеллигенции (дворянской и разночинской) о месте России в Европе, которые заняли весь XIX век, работы Л. Гринфельд оказались вне внимания историков русской философии. Возможно, дело в слишком широких обобщениях, которые допускает указанный автор. Возможно, причина кроется в слишком узкой специализации историков отечественной мысли, ограничивающей их профессиональный кругозор. Так или иначе, нам кажется уместным сопоставить гипотезу профессора из Бостона с общественной мыслью России 30-40-х годов XIX в.

Л. Гринфельд воспринимает национальное самосознание и политическую идентичность Британии и Соединённых Штатов Америки как выражение протестантского ощущения богоизбранности, толкающего англосаксонские народы на динамичную модернизацию в культуре, экономике, политике. В этом смысле, с её точки зрения Запад и Модерн идентичны. А безусловным лидером Запада являются англосаксы. В континентальной же Европе понятие «Запад» размывается и становится относительным. Для Франции Запад – Англия, для Германии – Франция, для России – Германия. В этом смысле, Британия – перводвигатель модернизации для остальной Европы, но лишь до той поры, пока Лондон в качестве мировой столицы не заменили Вашингтон и Нью-Йорк. Осознание интеллектуальными элитами стран Европы отставания от Запада, наряду с внутренними противоречиями обществ догоняющей модернизации, заставляет их осознавать свою «ущербность» и провоцирует *ressentiment*, что приводит к «трансформации ценностной шкалы: изначальные высшие ценности очерняются, их заменяют другими, которые в изначальной шкале ценностей были несущественными или даже имели отрицательный смысл» (с.20). Поэтизируются и абсолютизируются те ценности, которые позволяют сформировать собственную позитивную идентичность и противопоставить себя Западу. Л. Гринфельд считает, что в странах не-Запада люди видят, что у них жизнь хуже, чем на Западе и реагируют тремя типами реакций: 1) имитация-уподобление (стоит нам одеть европейский костюм и сбрить бороды, как тут же станем жить как на Западе); 2) культурный релятивизм (всё относительно - у нас в чём-то хуже, но в чём-то лучше; любое сравнение некорректно) ; 3) отрицание Запада – *ressentiment* (да, у нас хуже, но в этом виноват Запад и это временно, скоро

мы мобилизуемся, совершим рывок и тогда у нас будет лучше всех!!!). При этом именно *ressentiment* формирует национальные идеи и служит мотивом к цивилизационному соперничеству. В этой логике действия Петра I и европеизм молодого Н.М. Карамзина соответствует 1-ой модели, идеи Н.Я. Данилевского – 2-ой, а немецкий романтизм, историософия Ф.И. Тютчева и славянофилов – 3-ей.

Немецкий романтизм имел корни как в ощущении особой униженности немцев во время наполеоновских войн, так и в социальной неудовлетворённости немецкой интеллигенции кон. XVIII-нач. XIX вв. По мнению Л. Гринфельд, романтизм в Германии имел истоки в пиетизме (религиозно-философском протестантском учении). Многие идеологи «Бури и натиска» выросли в пиетистских семьях и в молодости ощущали конфликт с окружающим миром: Новалис, Шиллер, Гаман, Гердер, Ленц, Клиндер, Шлейермахер, Шлегель, Тик. Даже более поздний Гейне, не имевший германских корней, понимал, что в полуфеодальной Германии для него нет места, а потому обратил всю силу своей поэзии на разрушение существовавшего порядка вещей. Ощущать себя полным сил и талантов и в тоже время быть внизу социальной пирамиды – как это несправедливо! Все лучшие места в жизни заняты феодальной аристократией, значит надо свергнуть её господство, а силой, разрушающей власть маленьких монархий и дворянства, станет идея единой немецкой нации. Это нация даст немцам чувство гордости и отомстит самодовольным соседям (Франции) за прошлые обиды. Трансформация национальной идентичности, по Л. Гринфельд, имеет двойную, этносоциальную, природу. Либо политическая элита с помощью национальной идеи пытается удержать своё господство против усиливающегося абсолютизма (в другом случае - против поднимающегося Третьего сословия) либо, наоборот, разночинцы-интеллигенты берут на себя миссию разбудить Третье сословие и под флагом антимонархического национализма направить его на слом существующего порядка для получения лучшего места под солнцем. При этом мотивы более справедливого политического порядка и национального единства, противостоящего враждебному окружению, нередко совпадают, что формирует национальную идею и способствует политическому национализму. Немецкие романтики оказали существенное влияние на философию славянофилов и историософию Ф.И. Тютчева.

Ф.И. Тютчев ребёнком застал вторжение Наполеона и триумф российской армии в Европе. Молодым человеком приехал в Баварию и провёл в центре Европы 22 года. Любопытно, что А.С. Пушкин, поместив в «Современнике» поэтические тексты молодого дипломата, озаглавил их как «Стихи, присланные из Германии». Близость автора к немецкому романтизму была для читателей очевидна. Две официальных жены поэта также были немками. Поэтому неудивительно, что именно Ф.И. Тютчев одним из первых в России воспринял общеевропейскую тенденцию обращения к национальным корням и стал горячим сторонником национального освобождения турецкого и австрийского славянства. Именно от романтизма берут начало идеи пангерманизма и именно в первой половине XIX в. появляются в России идеи возвращения к допетровским истокам, отказа от поверхностной европеизации и помощи славянам Восточной Европы. Например, именно в 1835 году были созданы кафедры славянской филологии в российских университетах. И именно в 30-40-е гг. XIX в. идеи «славянской взаимности» получают популярность в передовых кругах. В частности, товарищ Ф.И. Тютчева по Московскому университету М.П. Погодин по линии Министерства Народного Просвещения поддерживал те же панславистские идеи, что и поэт-дипломат по линии Мини-

стерства Иностранных Дел.

К числу основных тем историософии Ф.И. Тютчева можно отнести темы «России как Другой Европы» (по Л.Гринфельд – Россия как анти-Запад) и «Восточной Европы как Другой России», т.е. как России будущего. При этом, Россия есть и хранитель Запада от его внутренних болезней (Революция) и его исторический могильщик, поскольку именно она придёт на смену загнивающей старой Европе с её постоянным внутренним брожением, подтачивающим социальный порядок. Можно сказать, что Ф.И. Тютчев отрицает Запад (Европу, в его терминологии) сразу на двух уровнях: не признавая законным его прошлое (отрицая и католический централизм Папства, и самопровозглашённые империи Каролингов и Наполеона Бонапарта) и отказывая ему, Западу, в будущем. Т.е. будущее Европы в Другой Европе. Как сформулировала бы это Л. Гринфельд, будущее Запада в анти-Западе.

В отличие от Германии, в России идеи собственной самобытности формировали не разночинцы, а аристократы. При этом имел место феномен значимого Другого. Для аристократов, хорошо знавших Запад, таким референтным Другим был простой народ и допетровское прошлое Московской Руси. Для разночинцев, близких к простому народу и плохо знавших жизнь Европы, таким значимым Другим стал Запад в лице революционной Франции и парламентской Англии. Хотя и славянофилы и западники в своих действиях побуждались отрицанием деспотизма и застоя николаевского государства.

Известный польский историк русской философии Ан. Валицкий рассматривает историософию Тютчева и славянофилов как реакцию на вызов Чаадаева, отрицавшего и величие империи Николая I, и цивилизационный (православно-византийский) выбор России. В этом смысле работает спираль отрицания отрицания, когда вторжение Наполеона отрицается пришествием казаков в Париж, культурное доминирование Франции отрицается великодержавием и «теорией официальной народности». Последнее же отрицается католикофильством П.Я. Чаадаева, что, в свою очередь, вызывает отрицание славянофилов. В каком-то смысле такой подход также близок гипотезе Л.Гринфельд.

Стоит отметить и ряд минусов работы американского культуролога. Во-первых, воинствующий англоцентризм. Если о французской, германской и российской традициях Л. Гринфельд пишет более чем язвительно, то анализ британской и американской мысли сопровождается приторным самовосхвалением. Например, на с. 411 читаем: «Даже бедность в Америке казалась слаще, чем где-либо в другом месте». А на с. 460 встречаем такой пассаж: «Уникальность американской нации состоит в том, что в процессе своего долгого национального существования, более долгого, чем у любого другого общества, за исключением Англии, она осталась верной изначальной идее нации... Она являет собой пример исполнения его изначального – демократического обета, доказательство его изначальной стойкости и жизненной силы... Америка – не такая, как другие нации». Во-вторых, поверхностность, а местами комичность "русской" главы книги. Французский раздел написан на основе анализа исторических официальных документов XVII-XVIII вв., немецкий – на основе изучения биографий идеологов романтизма. Российский раздел наименее полон, в нём значительное количество довольно грубых ошибок, вызванных как тем, что автор использовал лишь англоязычные работы по русской культуре, так и тем, что Л.Гринфельд пыталась вписать русскую философию XVIII-XIX вв. в уже готовую концепцию. К числу наиболее диких пассажей можно

привести утверждение профессора из Бостона (с.225), что приход к власти Елизаветы Петровны сопровождался геноцидом всех немцев в русской армии (!!!): «всё сгорело в кровавой бойне, учинённой гвардейцами, убившими всех офицеров-немцев то ли из склонности к резне ... то ли по общей игривости». Или ссылку на с. 467 на некое исследование (When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861-1917. Princeton, 1985), где утверждается, что в начале XX века «более половины московских детей в возрасте 8-11 лет не знали, что они живут в Москве, пятая часть детей, выросших в сельской местности не знали своих имён (именно имён, а не фамилий или отчеств!)... если удавалось, они пили водку». Или фраза на с. 193, что «как у Петра, так и у Екатерины II главной страстью было самовозвеличивание».

Тем не менее, концепция Л. Гринфельд вызывает интерес, поскольку даёт объяснение противопоставлению Германия – Запад, Россия – Запад и воспеванию национальной интеллигенцией особенностей, отличающих Францию, Германию, Россию от мещанской и своекорыстной Англии.

Литература

1. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – 1-я пол. XIX в.) – М.: Наука, 1985.
2. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности – М.: ПЕР СЭ, 2008.
3. Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос – М.: Изд. Моск. ун-та, 2012.
4. Воробьёва С.А. Философско-исторические идеи в России (1830-1850-е годы) – СПб.: Изд. СПбГУ, 2010.
5. Зарубежное россиеведение: уч. пос. / под ред. А.Б. Безбородова – М.: Проспект, 2013.
6. Зорин А. Кормя двуглавого орла... - М.: НЛО, 2004.
7. Кожин В.В. Тютчев – М.: Мол. гвардия, 2009.
8. Малинов А.В., Прохоренко А.В. Философия истории в России. – СПб.: Европейский дом, 2010.
9. Тарасов Б.Н. Историософия Тютчева. – СПб.: Алетейя, 2006.
10. Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч. Письма. Т.3. – М.: Изд. центр «Классика», 2003.
11. Тютчев Ф.И.: pro et contra. Антология. – СПб.: Изд-во Русской гуманитарной христианской академии, 2005.
12. Янов А.Л. Загадка николаевской России. 1825-1855. – М.: Новый хронограф, 2007.